

Н.В. Максимова

*Новосибирский институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования*

**Высоцкая И.В. Субстантивация в свете теории синхронной переходности:
монография. Новосибирск: НГПУ, 2009.**

Аннотация: В монографии собран богатый языковой материал, касающийся процессов нарастания предметных признаков у слов самых различных частей речи. В рецензии обсуждаются вопросы критериев и границ явления субстантивации, принципов его описания – как в пределах теории переходности, так и в русле других возможных подходов.

The monograph contains abundant language material, concerning processes of growth of object attributes in words of various parts of speech. The book review considers the questions of criteria and limits of substantivization phenomenon, of foundations of its description – both in the network of transitivity theory and in aspect of other possible approaches.

Ключевые слова: Шкала переходности, признаки субстантиватов, условия и типы субстантивации, опредмечивание, синхронная переходность, узуальная и окказиональная субстантивация.

Transitivity scale, substantivates attributes, conditions and types of substantivization, objectifying, synchronous transitivity, usual and occasional substantivization.

УДК: 811.161.1'36.

Контактная информация: Новосибирск, Красный проспект, 2. НИПКиПРО, кафедра гуманитарного образования. Тел. 89139358867. E-mail: maksimova1@mail.ru.

Знакомство с книгой Ирины Всеволодовны Высоцкой погружает читателя в круг размышлений достаточно широкой проблематики. Изначально грамматические читательские ожидания, реализуясь в полной мере, не только пополняются кругом новых морфолого-синтаксических ходов, но и вводят читателя в новые исследовательские контексты. Эти контексты сформированы вопросами динамики развития и функционирования языка; синхронной динамики и феномена синкретичных явлений; выбора системы метаописания и ее согласования с исследуемым материалом; узуального и окказионального в морфологических процессах; вопросами восприятия явления субстантивации носителем языка; проблемами логико-философского и лингвокультурологического плана. Одни из этих вопросов ставятся автором прямо, а другие с определенностью порождаются самим ходом изложения и оказываются актуальными как для автора, так и для читателя (в том числе рецензента).

Однако прежде этих вопросов книга погружает читателя в мир русского *слова*. Собранный автором богатейший материал, касающийся процессов субстантивации в русском языке, делает монографию уникальным источником, который обеспечивает корпусную основу дальнейших исследований и дает новые импульсы к осмыслению актуальных вопросов из области субстантивации и грамматических процессов в целом. Количество представленного в книге эмпирического материала, его разнообразие и выразительность предопределяют полновесность мо-

нографического описания. Заметим попутно, что организация языкового материала тяготеет к словарно-справочному типу, так что у читающего даже возникает образ будущего словаря субстантиватов русского языка, в том числе с возможными частотным и рецептивным параметрами. Концентрация языкового материала в книге такова, что дальнейшие исследования в этой области неизбежно будут базироваться на представленном корпусе. Так, например, очень выразительны субстантиваты, употребляемые в многочисленных пословицах, поговорках, обиходных предложениях и оборотах (*Умный знает и спросит, а глупый не знает и не спрашивает; Злому и щип не впрок, а доброму и сухарь помогает; На сердитых воду возят; Купишь лишнее – продашь нужное; Третьего не дано; Каждому – свое; Где каша, там и наши; Битого, пролитого да прожитого не вернешь; Всякое тайное становится явным; Имеющий уши, да услышит; От лукавого; Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь* и многие др.). Другой оригинальной чертой книги являются примеры с текстообразующим потенциалом субстантивата. В подобных текстовых фрагментах и целых текстах субстантивация реализуется не на уровне отдельного высказывания, а в пространстве текста, формируя его смысловое ядро (таковы стихотворение М. Цветаевой «Полюбил богатый – бедную...» и др. тексты, а также текстовые фрагменты из Ф. Достоевского, С. Есенина, В. Маяковского, М. Цветаевой, В. Шукшина, И. Бродского, И. Фонякова, А. Усачева, И. Картушина и мн. др.). Текстовый уровень описания субстантивационных процессов – важный аспект книги.

Анализируемый материал очень разнообразен по своим стилевым и жанровым характеристикам. Это прозаические и поэтические тексты XIX – XXI вв. (художественные и научные), современная реклама, разного рода номинации, вывески, а также фольклорные и разговорные тексты. В результате исследуемое языковое явление предстает внутренне объемным, пронизывающим все основные сферы речевой деятельности, многоликим, живым – но и требующим адекватной интерпретации. Ведь чем богаче, динамичнее материал, тем сложнее он укладывается в какое-либо стройное описание, сопротивляется ему естественным образом. Тем более что автор монографии намеренно усиливает динамический аспект, вводя его в замысел исследования: предлагаемый способ описания «снимает противопоставление системного асистемному и соотносится, на наш взгляд, с теорией самоорганизации систем. Синергетический способ мышления вообще и лингвистического мышления в частности, определяет принцип описания системы с учетом ее открытости, нелинейности, динамичности, что позволяет рассматривать т. н. “асистемные” явления как закономерные, обусловленные функционированием языковой системы» (с. 174). Этот замысел последовательно реализуется в монографии. Так, на конкретном материале автор показывает, например, что субстантивация слов адъективного типа становится отправным пунктом для новых трансформационных процессов: последующей адвербиализации, модалагии, партикуляции, конъюнкционализации, переходу в состав графем. «Этот “каскад” трансформаций демонстрирует самоорганизацию языковой системы. Синкретичные образования – проявление скрытых ресурсов языка, наполнение устоявшихся форм новым содержанием, “точки роста”» (с. 175).

Охват материала обусловлен и морфологическим составом описания. Это видно уже из приведенных выше примеров пословиц и поговорок. В первой главе описывается субстантивация прилагательных, числительных, местоимений и причастий (каждой части речи отведен собственный раздел), во второй главе – субстантивация наречий, междометий и субстантивация в сфере явления чужой речи. Обратим внимание на последнюю разновидность, названную метасубстантивацией (*– Не хочу. / – А через «не хочу»?; Ты его крести, а он знай свое: пусти; Ты ему – брито, а он знай свое – стрижено; И мое «здравствуйте» – это маленькая компенсация за прошлое (В. Токарева); Крики «Браво!» его оглушали... (В. Высоцкий)*). Материал здесь очень разный: это и вариативные модификации

конструкций с прямой речью, тематической речью, и диалогические реакции разговорного типа, характерные для устных способов передачи чужой речи, и текстовая автокоммуникация. По сути, типы чужой речи вполне традиционные¹. А вот то, что подобные «повторы», «подхваты», различные виды «диалогической цитации» активно субстантивируются и составляют вполне типичское с этой точки зрения явление (прежде всего имеем в виду примеры, подобные двум последним из приведенных), убедительно показано именно в книге И.В. Высоцкой. Найденный термин (метасубстантивация) вполне отвечает как сути синтаксических отношений, устанавливающихся между компонентами конструкций с чужой речью², так и прагматической сути речеповеденческих актов, в которых функционирует такого рода «чужая речь».

Субстантивация понимается автором как синкретичное явление, совмещающее признаки разных частей речи и представляющее феномен языковой недискретности, а точнее – феномен, связанный с диалектическими отношениями в паре «дискретность / континуальность». Последовательно различая диахронную и синхронную переходность, автор сосредоточивает свое внимание на синхронных процессах, вынося этот акцент и в название книги. Справедливо задевая современное лингвистическое мышление замечанием о его «агрессивной диахроничности», И.В. Высоцкая, однако, не впадает в другую крайность: при всем внимании к синхронной субстантивации автор регулярно и уместно опирается на исторические явления, привлекая результаты трансформационного анализа субстантивов как для объяснения синхронного среза, так и для прогнозирования возможных будущих процессов и тенденций. Особенно показателен и интересен в контексте общей идеи книги раздел 2.1.2 «Субстантивация слов адъективного типа как ступень дальнейшей трансформации» и обосновываемый в нем принцип каскадности в трансформационных процессах. В целом исследовательский взгляд автора характеризует важная черта: умение видеть за статическими фактами языка живые динамические процессы их становления.

Каковы же теоретические основания и способы интерпретации такого материала, взятого во всей его широте и динамике? Теоретический раздел в книге не выделяется как особый. Все исходные теоретические выкладки подаются в разделе о прилагательных, поскольку это самый продуктивный класс слов для развертывания процессов субстантивации. Продуктивность субстантивации прилагательных настолько велика, что автор утверждает: «потенциально любое прилагательное может быть субстантивировано» (с. 52). Раздел о прилагательных – объемный, развернутый и теоретически насыщенный. Так, именно здесь определяются синтаксические условия функционирования субстантивов: в параграфе 1.1.1 «Синтаксические позиции субстантивации» показано, как создаются такие условия в словосочетании, в простом предложении, в осложненном предложении, в сложном предложении и в тексте (отдельно рассматривается каждое из типовых условий). В теоретическом плане данный параграф необходимо отметить особо, поскольку, во-первых, синтаксические условия выделяются в специальный предмет изучения и описываются детально, что само по себе ново. Во-вторых, в нем показано, что синтаксическая основа является одним из ядерных моментов для процессов субстантивации. Синтаксический аспект, заданный в установках начального параграфа, является магистральной линией книги. Так, разговор о синтаксических условиях и причинах субстантивации продолжается в параграфе 1.1.2

¹ Подобные их модификации описаны, например, в работах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1990, с. 175–189; 1999]. В ее книге «Язык и мир человека» см. соответствующий раздел: *Чужая речь: «свое» и «чужое»*. Также см. работы: [Богова, 1989, с. 11–15; Вежбицка, 1982, с. 234–262; Винокур, 1993].

² Отметим, что в репрезентологических работах одна из интерпретаций их синтаксической связи – это метасвязь.

«Типы субстантивации». Уточнение синтаксических условий также происходит при рассмотрении субстантивации причастий: «Периферийными для причастия как части речи являются образования с яркими глагольными свойствами – субстантивированные причастные обороты. Промежуточная ступень представлена одиночными субстантивированными причастиями. Периферийные образования с яркими субстантивными свойствами – субстантиваты, распространение которых затруднено или невозможно» (с. 101); и далее – в разделе об индивидуально-авторской субстантивации, о парцелляции как ее синтаксическом условии (с. 137). Это позволяет думать, что в исходные определения субстантивации (с. 12) стоило бы включить на равных с другими синтаксическую составляющую. Тогда усиление синтаксической компоненты при определении самого понятия субстантивации отражало бы и реальные процессы функционирования субстантиватов, и модель их описания, представленную в монографии.

Другим сквозным параметром концепции является различение контекстуальной, ситуативной, срединной, глубокой и квазисубстантивации (с. 41–52). Попытка зафиксировать динамику нарастания субстантивных признаков заключается в описании различной степени их концентрации в каждом из пяти типов субстантивации. Концептуальной основой описания выступает теория переходности, разрабатываемая школой В.В. Бабайцевой. Выбранный метод – шкала переходности, на которой располагаются выделенные типы субстантивации. Автор детализирует градуировку этой известной шкалы, вводя дополнительные позиции переходности, что обусловлено характером самого анализируемого материала. В результате разрабатывается операциональная база для определения границ субстантиватов в целом. Так, во второй главе (раздел 2.1.1) выделяется до десяти критериев отнесения слова к узальному субстантивату: способность отвечать на вопросы имени существительного; согласование с определением; установление отношений с кругом лиц; участие в акте номинации; употребление в операции сравнения; семантическая связь с именем существительным; синтаксическая связь с именем существительным; способность подвергаться счету; сочетание с кванторными местоимениями; обозначение совокупности лиц (с. 169). Особо нужно сказать о рассмотрении такого явления, как квазисубстантивация. Она понимается как процесс образования периферийных существительных по адъективной и причастной моделям (*прохожий, набережная* и др.; с. 49–52).

Таким образом, в книге представлены и критерии, и выделенные на их основе типы субстантивации. И все же анализируемые типы и рассматриваемые примеры в ряде случаев заставляют размышлять о границах явления субстантивации, которое в рецензируемой монографии понимается широко. Внутри этого широкого понимания некоторые вопросы, как представляется, остаются открытыми. Укажем хотя бы на два таких вопроса: о неполном предложении и о составном именном сказуемом. Первый вопрос состоит в следующем: любое ли неполное предложение, где позиция существительного восполняется контекстом или ситуацией, ведет к образованию субстантивата? К примеру, в предложении *Люди с озабоченными лицами отъезжали назад, но у новых было такое же выражение лиц, и казалось, что люди одни и те же* (В. Токарева) словоформа *у новых* рассматривается как контекстуальный субстантиват. Та же характеристика дается и к следующему примеру: *У старинушки три сына: / Старший умный был детина, / Средний был и так и сяк, / Младший вовсе был дурак* (П. Ершов). Во втором примере, в отличие от первого, регулярность употребления подобных слов вне обязательного сочетания с существительным, действительно, сообщает им новый функциональный статус. Вероятно, семантика (признаковая либо предметная), а также частотность употребления и характер восприятия конкретных субстантиватов – необходимые дополнительные критерии для решения сформулированного вопроса и дифференциации подобных случаев. Сама же по себе синтаксическая неполнота – одно из потенциальных условий для интерпретации слова-адъектива

как субстантивата. Второй вопрос – об употреблении прилагательного в роли сказуемого: в любом ли составном именном сказуемом прилагательное в именной части – это субстантиват? Подобные вопросы связаны, главным образом, с контекстуальным и ситуативным типами субстантивации. Конечно, эти типы квалифицируются автором как периферийные явления (для прилагательных, причастий, местоимений и числительных). Тем не менее, примеры, приводимые к этим типам, в одних случаях отражают субстантивные свойства, а в других – обнаруживают лишь *предпосылки* функционирования субстантиватов.

Думается, что дело тут не столько в примерах, сколько в самом методе, который испытывается качественно новым материалом. Широкое понимание процессов субстантивации в книге вполне закономерно: собранный в книге материал отражает чрезвычайно живые процессы, а исследовательское внимание автора приковано к самым тонким переходным зонам, причинам и условиям рождения – и даже «предрождения»! – субстантиватов. И метод шкалы переходности начинает сковывать интерпретационные возможности, несколько ограничивая их. В самом деле, «четкое логическое деление возможно лишь в том случае, если исследуется искусственный объект» (с. 170), а для синкретичных явлений классификационный принцип становится своего рода «прокрустовым ложем» (с. 7). В то же время невозможно не заметить, что само распределение типов на шкале переходности, их противопоставление друг другу по определенным критериям тяготеет к применению того же классификационного принципа.

Видимо, задача заключается не столько в том, чтобы задать какие-либо единые основания для типологизации (классификации) всех описываемых явлений, сколько в том, чтобы выделить принципы и тенденции перехода к субстантивату, описать процесс нарастания концентрации субстантивных признаков. Подчеркнем, именно эта сторона монографии представляет ее оригинальность и актуальность. Так, описание каскадного принципа, текстового «эха», разведение узуальной и окказиональной субстантивации, интерпретация переходов «от апеллятива к антропониму», анализ лексикализации местоимений и другие концептуально важные фрагменты составляют тип описания, несводимый к классификационному принципу. Дело в том, что здесь актуализируется различие двух типов описаний: описание процессов алгоритмических и описание процессов стратегических [Дейк, Кинч, 1988, с. 153–211]. Именно в рамках метаязыка стратегий находят адекватное описание и текстовые процессы, и динамическая сторона языкового функционирования, и факты несовпадения в паре «форма – семантика» (функция – средство¹). Анализ в логике возможностей, гипотез, тенденций, требует специфики лингвистического описания, в значительной степени отличающегося от описания лексической, морфологической, синтаксической семантики. В рецензируемой книге, несомненно, намечены пути такого поиска.

Обсуждения заслуживают и вопросы, связанные с семантической стороной процессов субстантивации. В книге автор не раз обращается к вопросам семантики субстантиватов (с. 53–61 и др.) и говорит о полевом принципе организации данного явления: «Мы исходили из представления о полевой природе части речи и рассматривали субстантиваты как промежуточные и периферийные явления» (с. 148). И далее автор пишет: «При построении такого описания часть речи должна рассматриваться как полевая организация, в структуре которой выделяются ядро и периферия. Система частей речи может быть представлена как совокупность пересекающихся взаимодействующих частеречных полей. Ядерные явления, обладающие полным набором дифференциальных признаков, составляют ее «фундамент», промежуточные явления, возникающие в результате взаимодействия ядерных, выполняют связующую роль, укрепляя и «цементируя» систему»

¹ Положение о неоднозначных соответствиях в паре «функция – средство» применительно к текстовым процессам разрабатывается в работе [Дымарский, 1999, с. 64 и др.].

(с. 149). Безусловно, теория синхронной переходности и теория поля – близкие друг другу, пересекающиеся концепции. Однако высказываемое автором понимание поля связано прежде всего с аспектами его структурно-семантической организации. Тогда как несколько другое понимание поля – функционально-семантическое (школа А.В. Бондарко¹), разработанное как раз по отношению к морфологии, – во многом согласуется с теми семантическими заходами, которые есть в книге Ирины Всеволодовны. Действительно, из монографии видно, что автора интересует сама идея предметности и то, как она реализуется в языке. Причем не только в отвлеченных языковых моделях, но и в реальной дискурсивной практике – вплоть до индивидуального употребления, его контекстных смыслов. Об этом говорят и выбираемые эпиграфы к разделам, как один выражающие идею предметности / опредмечивания; и сама логика описания, отраженная в композиции; и примеры, демонстрирующие внимание к авторскому употреблению; и текстовый аспект книги; и введение в шкалу переходности новых делений; и отдельные интересные замечания семантического плана (например, на с. 13–14 при сравнении пар типа «старик – старь» автор, говоря о конфликтном взаимодействии грамматической и лексической семантики, отмечает, что «ярче значение признака представлено именно в существительном»). Думается, что перспективу данного исследования составляет его функционально-семантическая сторона. Возможно, именно последовательная разработка смысловой стороны функционирования субстантиватов позволит в дальнейшем внести уточнения к границам явления субстантивации, к характеристикам ее конкретных процессов и разновидностей.

Другая перспектива видится в связи с аспектами восприятия явления субстантивации и конкретных субстантиватов носителем языка. При чтении книги психолингвистический эксперимент «на восприятие» незримо присутствует в качестве содержательного продолжения проделанного анализа, дополнения к нему. Возможность и необходимость подобного эксперимента ощущается, например, при описании субстантивации прилагательных, при анализе количественных и порядковых числительных, функционирующих как субстантиваты. Как мы уже отметили выше, прежде всего этого требуют ситуативный и контекстуальный типы субстантивации, а также отдельные случаи употребления конкретных субстантиватов внутри этих двух типов. Выявление характера восприятия признаковости / предметности – возможный дополнительный параметр, уточняющий общие критерии, а также позволяющий анализировать процессы перехода от значения к смыслу. В качестве контекстной традиции экспериментального изучения, уместной в данном случае, назовем, например, лингвистическое исследование, представленное в книге [Грудева, 2007]. Подчеркнем: хотя в задачи книги рассмотрение психолингвистического аспекта не входило, ее пафос и характер описания открывают новые пути исследования.

Отметим и ряд наблюдений лингвокультурологического характера, которые делают автором в содержательно сильных текстовых позициях книги. Например, в параграфе о количественных числительных (1.2.1), автор анализирует ситуацию, где эллипсис существительного в русском языке происходит регулярно, и в конце его делает вывод: «В определенных ситуациях субстантивный компонент количественно-именного сочетания опускается, а его семантическую и синтаксическую роль берет на себя количественное числительное. В русской традиции это явление становится регулярным в высказываниях о времени, деньгах, школьных отметках» (с. 65). Этот же аспект дополняют интересные наблюдения

¹ Разработку функционально-семантических полей см. в многотомном издании «Теория функциональной грамматики», а о семантических основах полевой организации [Бондарко, 2002, с. 135–139 и др.].

компаративного характера – межъязыковые соответствия, высвечивающие особенности национального языкового мышления (с. 77, 90, 131, 174).

Подводя итоги сказанному, еще раз подчеркнем главное. Монография И.В. Высоцкой, с одной стороны, находится в русле определенных традиций (теория переходности, структурно-семантический анализ), а с другой – открывает новые исследовательские перспективы. Чуткое внимание автора к языковому «пограничью», к проявлениям неоднозначности морфологического статуса, к живым процессам переходности приводят к образованию *концептуальных оснований* как для описания имеющихся лингвистических фактов, так и для дальнейшего изучения этой области языка. К таким основаниям относятся, во-первых, совмещение в операциональной базе исследования семантических, структурно-грамматических и дискурсивных аспектов анализа, позволяющих вскрывать синхронно-динамические процессы (описание лексикализации местоимений как степени субстантивации, обусловленности морфологической природы названий типом дискурса – на примере номинаций в различных сферах; анализ онимизации – образования онимов на основании апеллятивов с адъективной формой и др.). Во-вторых, попытка создания типологии субстантивации, с разграничением узуальной и окказиональной субстантивации как принципиально разных явлений (ранее эти типы рассматривались как фазы одного процесса). В-третьих, выделение пяти типов субстантивации (контекстуальная, ситуативная, срединная, глубокая, квазисубстантивация) на основе степени увеличения субстантивных свойств в синкретичных образованиях.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Богова М.Г. Прагматические операторы конструкций с чужой речью // Высказывание и дискурс в прагмалингвистическом аспекте. Киев, 1989.
- Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М., 2002.
- Вежбицка А. Дескрипция или цитация? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13.
- Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Грудева Е.В. Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте. Череповец, 2007.
- Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.
- Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. СПб., 1999.